

ЛИЧНОЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ДЕЛО

—≡ Глава 1 ≡—

НИКА

Я ожиревшая корова. И дело даже не в том, что я заплыла жиром. Да, его больше, чем мяса и костей, вместе взятых. На руках шматы сала, которые трясутся как желе; внутренние части бедер стираются в кровь, когда я начинаю подниматься по ступеням, а когда просто иду, то сыплются искры. Но страшнее всего выглядит спина — там отросла вторая пара грудей. Причем больше, чем те, на которых есть соски. Это ужасно, боже мой, ужасно! Нужно срочно что-то делать. Но вот что? Как сбросить добрых пятьдесят кило?

Уже больше года я сижу дома. Раз в неделю выхожу на променады до ближайшего супермаркета. Дома я не делаю ничего. Валяюсь на диване, смотрю сериалы или читаю газеты (их мне приносят домой), я отслеживаю одно-единственное дело: судебный процесс над Наркобароном.

Еще год назад я была активной бизнесвумен, директором популярнейшего певца, жила и работала в Америке, водила дружбу с владелицей модного дома Allegro (да-да, с той самой Памелой Аллегро). Но

случилось страшное: Диму убили прямо на сцене во время выступления в Москве. Неизвестное лицо застрелило, так говорят в полиции в России, а американцы, которые в расследовании убийства заинтересованы больше, выдвигают кучу версий: дикий фанат, месть, корысть, устранение конкурентов... Ни с одной из версий я не согласна. Я уверена, что Диму убил Наркобарон, и вот почему: Дима был единственным свидетелем, готовым дать показания против него. Именно поэтому его поместили под программу защиты свидетелей здесь, в России. Дали ему новое имя — Дмитрий Грановский (хотя урожденный он Александр Лавров), а потом спрятали на виду у всех: сделали из него суперзвезду, и он получил еще одно новое имя — Джейсон МакКуин.

После убийства Димы Наркобарон, долгое время находившийся в бегах, объявился и был взят ФБР при попытке пересечь границу, подлец пытался вернуться в Россию. Конечно, бояться ему больше нечего, ведь нет ни единого человека, который мог бы его опознать.

Димкиного тела у меня тоже нет. В ту ночь его забрали, не выдали и не выдадут, пока не окончится суд над Наркобароном.

В общем, все, что я делаю круглые сутки, — ем, сплю, смотрю телик, читаю газеты и думаю. Неудивительно, что я раскоровела...

Повернувшись к зеркалу задом, я потрясла складками, увлеклась и начала выписывать пируэты «задними» грудями. Да уж, и на эту грудь впору лифчик покупать. Почему я такая толстая?

В мае прошлого года не стало Димки, и буквально через неделю оказалось, что мы все уволены. Я не

успела к тому времени вернуться в Лос-Анджелес и правильно, — «Коннор Дистрибьюшн» аннулировал мою рабочую визу и разрешение на работу. Виллу отобрали, все вещи сложили в гараж, чтобы после судебного процесса продать. Да, Коннор подал на нас в суд с целью покрыть убытки. Как-то он пронюхал, что все заработанные деньги Димка отписал мне, и решением Лос-Анджелесского суда все средства заморожены на счету в Калифорнии до принятия этим судом решения. Интересно, что бы я делала, если бы не получила деньги? Я, собственно, на них и живу сейчас. На моем личном счете осталось около пяти тысяч долларов, на Димкином — нетронутая сотня, к которым еженедельно прибавляются роялтиз с воспроизведений Roberto. Это и сегодня абсолютный хит. Рингтоны, реклама, продажи в электронном виде и продажи на физическом носителе — Коннор по-прежнему зарабатывает на Димке. Но на деньги мне плевать, я хочу другого.

Я почти перестала рыдать днями напролет, все-таки прошло больше года. Но это совершенно не говорит о том, что я успокоилась. Нет, я, как и прежде, в бешенстве. У меня все еще есть вопросы. Я все еще помню глаза Димы, когда он упал на сцену после выстрела. Этот взгляд... Боже мой! Боль, недоумение, страх. Ему было страшно выходить на сцену в ту ночь, он боялся русской публики. Но его пугало и что-то еще, он не мог точно сказать, что конкретно. Но что-то было. Что-то точно было, я чувствую это!

Я стояла у края сцены, со стороны зрителей. Вышла туда специально, чтобы Димка мог посмотреть на меня и успокоиться. Это важно и нужно, особенно если зрители вялые, совсем никакие (как всегда в

России), а Дима боялся, что им не нравится выступление, что не нравятся песни и все такое. На самом деле это не так. Просто русские — народ гордый, пока не пнешь — не полетят. И несмотря на то что Дима выступал под занавес, большинство зрителей еще стеснялись друг друга, чтобы отжигать так, как желало тело. Ребята из балета говорили, что многие американцы не любят выступать в России именно поэтому: слишком застенчивый зритель. И если есть возможность отказаться от концертов в России, то вычеркивают Москву из графика или ставят в самый низ, чтобы выступить перед россиянами тогда, когда уже по фиг на реакцию зала.

Я пробралась к «навершию» пирамиды (в таком виде была выстроена сцена) за три минуты до начала финального отделения Димы. Он был полностью готов, я оставила его за кулисами с Брэдли, на проекторах шла интерлюдия, отсчитывающая от пятнадцати до нуля, а народ тихонько шептался. Я слышала, что они говорят: «это офигенно», «какой он молодчинка, из низов в самый верх», «давайте визжать будем, когда он выйдет?». И многие поддерживали идею «визжать». Поэтому я улыбалась, когда Дима вышел. Ему бы понравился финал. Люди были готовы плюнуть на свои страхи и застенчивость, они были готовы отжигать!

Он вышел. Он только и успел подойти к краю сцены, чтобы поблагодарить зрителей и дать мне «пять». Протянул руку и даже немного согнул колени, и в этот момент прогремел выстрел. Я слышала его, несмотря на шум толпы. Я видела этого человека — он был среди танцоров, кучкой стоявших за Димой. Мужчина в темном костюме и бейсболке. Сделав свое дело, он

попятился и скрылся за кулисами, откуда его упустили все. Минуты, которая потребовалась танцорам и мне, чтобы осознать, что произошло, хватило убийце на то, чтобы скрыться. Первой закричала я, а потом и весь зал. Я карабкалась на сцену, чтобы схватить Диму за руку, сказать, что все будет хорошо, но никак не могла, чертова задница весила целую тонну! Я карабкалась как дура, а потом погасили свет, и я, ослепнув и потеряв координацию, рухнула на рельсы, по которым ездила тележка с камерой.

Когда я ворвалась за кулисы, тела Димы уже нигде не было. Меня перехватил Брэдли со слезами на глазах. Он заковал меня в объятия и крепко держал. Я пыталась вырваться, но не могла. Он что-то тихо говорил мне, а я рвалась. Я помню, что пинала его, била руками, но он не ослаблял хватки. Я видела танцоров, которые сидели с огорошенным видом прямо на полу.

Мне сказали: он не выжил, пуля попала в сердце. Реанимация не дала результатов. Нам очень жаль.

Я хотела видеть его тело. Но мне ответили — пока нельзя, чуть позже. И вот прошел уже год, а я так и не увидела тела Димы. Нам не показали его, не дали забрать и похоронить. Мы уехали с площадки в гостиницу, откуда я сбежала к себе домой. Взяла такси и приехала. Ключей у меня не было, они были у Васи, потому что у меня всего один комплект, а кому-то ведь надо было следить за квартирой и поливать цветы, пока я работала в Америке. Я сидела в коридоре возле двери очень долго. Мне беспрестанно звонили, соседям это надоело — на рингтоне у меня громко и практически непрерывно играл Roberto. Соседка по

лестничной клетке ответила на один из звонков от Брэдли. Сказала, куда надо ехать, он приехал и забрал меня.

Неделю мы жили в гостинице. Я не вылезала из кровати, ничего не ела, только пила воду. Из Америки приходили новости. Самая важная новость была: Вася встал на ноги.

— Все равно все умрут, — ответила я тогда Брэдли. — Все всегда умирают. Хороших финалов не бывает. Есть только это говно, и мы плаваем в нем, пока не захлебнемся.

Этот период жизни сильно сблизил нас с Брэдли. Я забыла в один миг все, что хотела сотворить с ним. Все обиды прошли, мы стали одной командой, жили вместе и спали в одной постели. Между нами не было ничего, что бывает обычно между женщиной и женщиной, ничего, кроме секса. Секс был. Но я ничего не могу сказать об этом — я просто не помню. Первый раз это случилось в ночь убийства Димы, а следующий раз перед отъездом Брэдли в Лондон, когда мы на прощание напились и все такое. Никакой романтики и отношений. Мы по-прежнему были коллегами, а романтика поставлена на «паузу». Возможно, оно и к лучшему. Я была не готова к чему-то большему, чем просто тот быт, который был, и рамки тех отношений, которые уже сложились. Брэдли, конечно, делал какие-то шаги, но под весом трагедии они были практически неслышны, и я их просто игнорировала.

А потом посыпались обвинения от Коннора. Во всем были виноваты мы с Брэдли. Он сказал, что я могу не возвращаться, а Брэдли пусть едет в свою Британию и разваливает там бизнес своего отца, чертов неудачник.

Подкрепляя свои слова, Коннор подал несколько исков, но суд согласился рассмотреть только один: о возмещении убытков в связи с несоблюдением условий договора страхования. Я читала иск, но сутью не прониклась. Я помню, что с площадкой в Москве были какие-то проблемы. Изначально планировалось выступление на площади перед ВДНХ, но чуть ли не в последний день шоу перенесли в «Олимпийский». Как раз в этом страховая компания и видит корень всего зла: Брэдли объяснил, что мы не должны были допускать изменение площадки без согласования технических и бытовых условий со страховой компанией. Страховая не разрешила бы выступление Димы на площадке, где в свободном доступе все закулисное пространство.

— Но ведь это не так, — возразила я. — Никакого свободного доступа! Вход строго по пропускам!

Оказывается, в этой системе туча прорех: открытая площадка на крыше (убийца мог спуститься по веревочной лестнице с вертолета), нелицензированная охрана (убийца мог подкупить охранников), волонтеры, которых не проверяли (среди них и был тот самый убийца). Выходило, что из-за нашей с Брэдли невнимательности произошло следующее: убийца-волонтер спустился на площадку по веревочной лестнице в сопровождении купленных охранников. Какой же это бред!..

* * *

Новые газеты не принесли каких-либо новостей. Все, что там муссировалось, мне было давно известно.

Но этого подонка арестовали! Фотография мерзостного типа цыганской наружности облетела все

СМИ мира. В длинном кожаном пальто, пузатый, с мокрыми волосами и невозмутимым лицом, Наркобарон шествовал по залу вылета в аэропорту Чикаго, вокруг него суетились несколько цыганят, кто-то тащил чемоданы, а кто-то деловито общался по мобильнику. Полицейские задержали всех сразу, Наркобарон был скручен в тугой бублик с заведенными руками за спину, а цыганята стройным рядом проследовали в мигающий красно-синим автозак. Наркобарона везли отдельно, в полицейском «Форде».

В заголовках писали не столько о его преступлениях, связанных с наркотиками, сколько об организации убийства Джейсона МакКуина. Но ни одна из газет не сообщала, что Джейсон МакКуин был русским парнем, а все дело в том, что на момент гибели он находился под программой защиты свидетелей США.

Да, эта новость стала для меня новостью № 1. Я знала, что Дима отказался от русской программы защиты, но что согласился стать участником американской — и не подозревала.

Наркобарону предъявили несколько десятков обвинений, самые тяжкие из которых — преступная деятельность по всему миру, включая территорию США (что-то связанное с организацией транзита наркотиков через Аляску), создание преступного сообщества и заказное убийство Джейсона МакКуина (Дмитрия Грановского и Александра Лаврова — в одном лице) как единственного свидетеля, знавшего Наркобарона в лицо.

В эту версию я верила охотнее, чем в то, что предлагали до этого, — бешеные фанаты, разъяренные любовницы...

По словам нескольких изданий, знакомых с материалами уголовных дел, обвинение разделило все преступления, о которых им было известно, на два блока: российская часть и международно-американская часть. В первый блок были включены все преступления, связанные с наркотиками и организацией преступных группировок, а во второй — убийство Джейсона МакКуина, свидетеля, помещенного под американскую программу защиты.

На допросах Наркобарон (его имя не раскрывалось) отрицал все преступления, включая заказ на убийство МакКуина, но охотно демонстрировал бесстрашие. Когда ему предъявили показания Джейсона МакКуина, он лишь ответил: «У вас нет свидетелей, а этот человек — мертв», расписавшись тем самым для общественности под признанием вины.

Всю осень я читала российские и американские газеты. В российских писали невнятные требования МИДа о выдаче преступника в Россию для справедливого осуждения по российским законам. Но американцы отказывали в выдаче, ссылаясь на необходимость суда на их территории в связи с убийством гражданина США, бывшего под защитой государства. «Раскрытие сведений, содержащих государственную тайну Соединенных Штатов, недопустимо для целей восстановления справедливости в другой стране, — писали американские издания. — Вместе с тем американская прокуратура готова организовать встречу с представителями Российской Федерации для обсуждения вопросов совместного обвинения преступника перед американским судом». В общем, юристы мерились членами, а уголовное дело тормозило. Я не понимала,

что мешает американцам приступить к суду, наплевав на требования Москвы, но потом выяснилось: прокурор собирал овации. Отстоять преступника и осудить его в Америке, ведь он задел честь и гордость страны — гражданина США! Особого гражданина США!

Изучение свистопляски в судебной системе Штатов стало для меня занятием на целый месяц. Мне было важно и нужно понять, какой суд и по каким законам будет судить Наркобарона, но все оказалось не так просто.

Стоит начать с того, что обвинение Наркобарону выдвигал криминальный следственный отдел ФБР, у которого совершенно отдельная подсудность, не на уровне городов, а на уровне окружных судов.

В декабре уголовное дело в отношении Наркобарона было передано в Окружной суд США по Южному округу штата Иллинойс, что располагается в Ист-Сент-Луисе, так как арест преступника произвели сотрудники Чикагского криминального следственного отдела ФБР.

В ходе первого заседания обвинение невнятно блеяло перед судом, не в силах ответить на вопросы о заказном убийстве МакКуина, утверждая лишь, что «располагают весомыми доказательствами», вместе с тем сторона защиты требовала представить эти доказательства, но безрезультатно. У обвинения не было ни орудия преступления, ни непосредственного исполнителя. Ничего не было. В конце концов суду эта тягомотина надоела, и был объявлен перерыв для более тщательной подготовки к процессу. За это время обвинение должно было предоставить все доказательства стороне защиты, а защита — письменно изложить свою линию и передать обвинению.

И тут начался фарс! В апреле посыпались запросы в Россию: американские прокуроры требовали представления доказательств против Наркобарона по российскому блоку обвинений, а Россия отказывалась предоставить их, мотивируя это отказом в удовлетворении «интересов несанкционированного Россией процесса». Американцы пошли на уступки, в апреле состоялась встреча, в результате которой был подписан международный договор об участии Российской Федерации в судебном процессе против Наркобарона. Обвинение работало круглосуточно, и шестого мая окружной прокурор вручил в руки адвокатам Наркобарона двести томов обвинительного заключения и шестьдесят коробок с вещественными доказательствами. Фотографии этого пафосного обмена на своих страницах напечатали все мировые издания. Обвинение было готово к суду.

Двадцатого февраля состоялось второе слушание с участием российских и американских прокуроров. Адвокатская свита Наркобарона заволновалась. В прессе золотой линией выписывался неминуемый обвинительный приговор. Объединившись, американо-российское обвинение задавило аргументами защиту: были представлены материалы доследственных проверок, показаний «тайных агентов» (которые по российскому праву именовались «свидетелями, информация по которым не подлежит разглашению»), заключения экспертиз.

«Суд над крупнейшим наркодистрибьютором пройдет в эту пятницу в Ист-Сент-Луисе», — трубили заголовки на передовицах деловых изданий.

В Интернете информации было ничтожно мало: информационная война между США и Россией ниве-